

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

1880 — 1885.

Г л а в а VII ¹⁾.

Послѣ побѣды либераловъ, нанесшей ударъ туркофильской политикѣ Биконсфильда, Ольга Алексѣевна отдыхала на лаврахъ; не было причины для проявленія энергической дѣятельности, оказанной ею въ теченіе четырехъ лѣтъ послѣ смерти ея брата.

Въ первый годъ управленія Гладстона все шло какъ нельзя болѣе благополучно. Но второй, ирландскій вопросъ отвлекъ вниманіе Гладстона отъ Востока. По возвращеніи своемъ въ Англію въ 1881 году г-жа Новикова писала Гладстону, что два извѣстныхъ дипломата горячо говорили о его усиліяхъ поддержать европейскій концертъ.

Онъ отвѣчалъ:

2-го ноября 1881 года.

„Дорогая г-жа Новикова, ваше милое письмо отъ 25-го нѣсколько опоздало понасть въ мои руки изъ-за моей частой перемѣны мѣста. Искренно благодарю за него. Не буду отвѣчать подробно, такъ какъ надѣюсь пріѣхать во вторникъ, на короткое время, въ городъ и быть у васъ, нѣсколько поздно днемъ, въ ваше обычное время“.

„Я очень благодаренъ двумъ, названнымъ вами, извѣстнымъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1913 г.

дипломатамъ, за слишкомъ лестную оцѣнку мнѣ и моимъ усиліямъ. Одно могу спокойно сказать, за лорда Гренвиля и за себя; мы ничего не сказали и ничего не сдѣлали съ эгоистической цѣлью, или въ недружелюбномъ духѣ по отношенію къ какому-либо лицу, или какой-либо странѣ. Заслуги, однако, въ этомъ нѣтъ, потому что счастливая случайность открыла намъ такой широкой и мягкой путь, что недостойно было бы дѣйствовать иначе.

„Вы тоже можете насладиться большимъ утѣшеніемъ въ эти критическіе дни; между Англіей и Россіей вы смѣло и умѣло трудились на пользу своего отечества, на пользу общаго мира и международнаго доброжелательства“.

Вѣрьте моей искренней преданности

Гладстонъ.

Ободренная такимъ довѣріемъ, г-жа Новикова пишетъ Гладстону, что она написала статью и была бы очень ему благодарна, если бы онъ ей разрѣшилъ прислать ея черновикъ. Но Гладстонъ отвѣтилъ 25-го ноября 1881 года:

„Дорогая г-жа Новикова!—Нѣтъ, я не долженъ читать вашей статьи въ черновикъ, ни давать вамъ совѣты относительно вашихъ чувствъ и способа ихъ выраженія. Прежде всего потому, что вы въ нихъ вовсе не нуждаетесь, а во-вторыхъ, что цензура моя не принесла бы вамъ пользы, такъ какъ она лишила бы васъ самостоятельности и поставила бы васъ въ фальшивое положеніе: печать вовсе не входитъ въ мои обязанности. Говорю это, ни на іоту не уменьшая признаніе, мною уже сдѣланное, и которое я каждую минуту готовъ повторить, что ваши прямыя и мудрыя статьи всегда благотворно дѣйствуютъ.“

„Не думаю, чтобъ каждый русскій былъ такъ остороженъ, какъ вы, говоря объ Афганистанѣ; меня удивило слышать объ одномъ лицѣ, порицавшемъ насъ за то, что мы покинули эту страну, думаю, что вы не раздѣляете этого мнѣнія“.

„Посылаю вамъ копіи моихъ рѣчей въ Лидсѣ и остаюсь преданный вамъ“

Гладстонъ.

Въ началѣ 1881 года съ Гладстономъ произошелъ неприятный случай. Извѣстія о его нездоровьѣ, появившіяся въ Россіи, встревожили Ольгу Алексѣевну, которая телеграфировала, прося свѣдѣній. 27-го февраля она писала Стеду: „Получила денешу отъ Гладстона. Прекрасный сонъ, никакихъ дурныхъ“

признаковъ, рана заживаетъ. Слава Богу, если нѣтъ опасности. Гладстонъ одинъ изъ лучшихъ людей въ мірѣ“. На лицѣ Гладстона была рана, сдѣланная камнемъ, который бросила въ него на улицѣ какая-то женщина. Эта рана превратилась въ ракъ, окончившій его жизнь. Все это очень скрывали.

Гладстонъ скоро поправился, но въ февралѣ того же года г-жа Новикова лишилась двухъ близкихъ друзей—Карлайля и Достоевскаго. Она писала Стеду 2-го февраля 1881 г.:

„Я боюсь, что мой дорогой Карлайль умираетъ. Послѣдній разъ, что я его видѣла, онъ былъ очень ласковъ и нѣженъ, но сказалъ: вы не застанете меня въ живыхъ, когда возвратитесь. Я очень была растрогана этимъ послѣднимъ свиданіемъ и если бѣ мнѣ не стыдно было показать свою слабость, я при немъ бы расплакалась (но я этого не сдѣлала, слава Богу)“.

Г-жа Новикова писала Стеду.

Москва. 14-го февраля 1881 года.

„Не могу выразить, какъ я огорчена смертью Карлайля и Достоевскаго. Я помню, конечно, все, что Карлайль неоднократно говорилъ мнѣ эту осень, какъ онъ жаждалъ смерти, но я эгоистка, и подумать, что я больше никогда, никогда не увижу его добраго лица, очень тяжело. Но Карлайль пережилъ себя, работу свою онъ совершилъ, а Достоевскій... Ему было едва 50 лѣтъ. Нѣтъ, въ настоящее время, человѣка въ Россіи, котораго вліяніе было бы очевиднѣе и полезнѣе. Онъ былъ восторженнымъ славянофиломъ. Въ 1849 году онъ взялъ на себя вину брата, отца многочисленнаго семейства, а онъ самъ былъ не женатъ; онъ былъ сосланъ въ Сибирь на 4 года. Онъ былъ слабаго здоровья, и тюрьма была причиной появившейся эпилепсіи, но укрѣпила его умъ и душу. Когда я ему выразила мой ужасъ отъ ненужной пытки, онъ отвѣчалъ: „Вы ошибаетесь, я не жалуюсь. Это была хорошая школа. Она укрѣпила во мнѣ вѣру и любовь къ тѣмъ, кто переноситъ терпѣливо страданія. Она также укрѣпила мою любовь къ Россіи и къ удивительнымъ великимъ качествамъ русскаго народа. Повѣрьте, прибавилъ онъ, нѣтъ настоящаго прогресса и настоящей цивилизаціи безъ глубокаго сочувствія къ нашимъ братьямъ, безъ настоящаго самопожертвованія, часто встрѣчаемаго въ нашихъ соотечественникахъ. Вы можете коснуться чужой души только своею душой. Помочь вы можете только тогда, когда сами страдаете съ ними, когда вы любите ихъ, когда вѣра Христова проникла въ каждое ваше слово, въ каждый вашъ

шагъ. Достоевскаго обожала наша молодежь и тѣ взрослые люди, въ сердцѣ которыхъ была правда и благородство. Я потеряла въ Достоевскомъ друга, также какъ братъ мой, который очень огорченъ его смертью“.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ произошелъ еще гораздо болѣе потрясающій ударъ. Императоръ Александръ II былъ убитъ 1-го марта.

Ольга Алексѣевна была поражена, она только-что написала въ „Fraser's Magazin“ длинную статью о реформахъ Александра II-го. Она писала Стеду:

„Это жестокой, ужасный ударъ. Я была совершенно больна, нѣсколько дней не могла ни думать, ни писать, только чувствовала нестерпимыя боли вездѣ. Мученическая смерть, въ награду за цѣлую жизнь великодушной доброты, самопожертвованія, состраданія и милосердія! Вѣдь это ужасно колеблетъ вѣру въ справедливость. Бѣдный Государь! Бѣдная Россія! Мое единственное утѣшеніе въ томъ, что я всегда служила его дѣлу и не изъ тѣхъ, кто забываетъ его благодѣянія странѣ.“

„Очень благодарю за прекрасную статью въ „Pall Mall Gazett“ объ убійствѣ и за ссылку на „Fraser's Magazin“. Кто бы могъ думать, что эта маленькая статья послужитъ эпитафіей. Я чувствовала, что вы намъ сочувствуете. Мысль, что послѣднее написанное мною посвящено реформамъ нашего дорогого Государя, служить утѣшеніемъ въ моемъ горѣ. Мой сынъ былъ посланъ съ депутаціей студентовъ для возложенія вѣнка; онъ только-что возвратился, очень взволнованный и монархически настроенный. Я никогда не видѣла его такимъ безгранично преданнымъ Царской семьѣ, какимъ онъ теперь. Я думаю, что, не колеблясь ни минуты, онъ отдалъ бы жизнь за нихъ, если бѣ это было нужно. Негодовапіе всей страны очень велико. Дома родственниковъ виновныхъ должны охраняться полиціей. Толпа хочетъ ихъ сжечь и разворить. Слабо было управленіе Лорисъ-Меликова. Никогда не слѣдовало проявлять такую слабость. 5-го марта покойный Государь назначилъ объявить законъ о представительствѣ для всѣхъ классовъ. 1-го онъ былъ убитъ. Аксаковъ, Катковъ и всѣ мы въ Москвѣ настаиваемъ на самодержавіи, которое одно полезно для Россіи. Спаси насъ Богъ отъ конституціи! Побѣдоносцевъ услышалъ мольбу Москвы. Благодаря ему конституція Лорисъ-Меликова была уничтожена, и Россія, подъ скипетромъ Александра III, вступила въ политику твердаго правленія, длившагося 14 лѣтъ“. Г-жа Нови-

кова въ слѣдующихъ словахъ оправдывала это рѣшеніе въ своемъ письмѣ отъ 29 марта 1881 г.

„Если ввести въ Россіи конституцію, по типу западныхъ государствъ, то это будетъ ея гибель. Рѣчь Аксакова, произнесенная въ Петербургѣ, лучший образецъ ораторскаго искусства, когда-либо слышанный у насъ. Западный конституціонный строй такъ противоположенъ нашимъ взглядамъ, что его могутъ желать Россіи только злѣйшіе ея враги. Болгарію этотъ строй, вѣроятно, погубитъ, и всѣ въ Россіи убѣждены, что наши, такъ называемые доброжелатели, предлагаютъ свои гнилыя свободы, чтобы погубить Россію“.

Среди огорченій за Россію г-жа Новикова относилась сочувственно къ несчастьямъ англійской политики въ Южной Африкѣ. Послѣ ряда пораженій, окончившихся Маюба-хилъ, г-жа Новикова писала своимъ англійскимъ друзьямъ:

„Едва-ли вы повѣрите чувствамъ, съ которыми отнеслись у насъ къ дурнымъ извѣстіямъ изъ Южной Африки. Я никогда не ожидала такого искренняго сочувствія къ Англій, такого желанія услышать болѣе благопріятныя вѣсти. Удивительный престижъ Гладстона произвелъ эту перемѣну“.

Фрудъ, говоря о южно-африканской политикѣ правительства, не особенно цѣнитъ этотъ „удивительный“ престижъ.

Первыя предварительныя свѣдѣнія о волненіяхъ въ Южной Африкѣ г-жа Новикова узнала отъ Фруда 9-го ноября 1880 г. Онъ писалъ:

„Намъ предстоитъ новая борьба съ министерствомъ колоній о бѣдномъ Базутосѣ и т. д. Я, который ненавижу сентиментальности и уважаю Кромвеля и твердость въ правленіи, состою во главѣ депутаціи отъ общества покровительства аборигеновъ и протестую противъ того, что происходитъ. Гладстонъ полонъ нѣжности къ болгарамъ и ирландцамъ, бездушенъ, какъ камень, къ нашимъ чернокожимъ братьямъ. Будь они рабы, они бы чего-нибудь стоили, о нихъ бы заботились, какъ о коровахъ и лошадяхъ. Но мы съ гордостью говоримъ: „нѣтъ рабства подъ британскимъ флагомъ, а на дѣлѣ чернокожихъ стрѣляютъ, какъ волковъ. Мы нація тартюфовъ. Къ чорту насъ!“

Фрудъ такъ описываетъ несчастье въ Маюбахилъ 30 января 1881 года:

„Мой бѣдный другъ, сэръ Джорджъ Коллей проигралъ сраженіе въ Трансваалѣ, убито много офицеровъ и солдатъ. Это его первое командованіе, и онъ потерпѣлъ пораженіе. Причи-

ной захвата Трансвааля была неспособность бѣдныхъ голландцевъ защититься отъ туземцевъ. Очевидно, они станутъ защищаться отъ нихъ. Но ихъ разобьютъ, несчастныхъ, и, такъ какъ они очень храбры, то перестрѣляютъ ихъ тысячами. Вся Европа будетъ стыдить насъ, но что изъ этого?"

20-го февраля онъ пишетъ:

„Мы намѣреваемся бить несчастныхъ голландцевъ въ Южной Африкѣ, подъ предлогомъ спасти нашу національную честь, но до этого дѣло не дошло. Судьба измѣнилась, мой другъ сэръ Коллей, не былъ на высотѣ положенія, и голландцы бьютъ насъ. Но борьба между великой Британской имперіей и нѣсколькими тысячами фермеровъ слишкомъ не равна: все же мы уничтожимъ нѣсколько сотенъ, одержимъ то, что называютъ газеты рѣшительной побѣдой. Каждый оставшійся въ живыхъ голландецъ возненавидитъ насъ на вѣки. Всѣ націи на землѣ станутъ стыдить насъ, но мы останемся довольны, какъ будто ничего не случилось. Мы лишимся Капской колоніи черезъ нѣсколько лѣтъ, и по дѣломъ. Вотъ оно конституціонное правленіе“...

Заботы все увеличивались въ правленіи Гладстона, и въ 1882 году оно было принуждено, противъ желанія премьера, пуститься въ египетскую экспедицію.

Въ день побѣды въ Тель-ель Кебиръ, въ Египтѣ, г-жа Новикова телеграфировала Гладстону:

„Примите сердечныя поздравленія съ великой побѣдой“. Онъ отвѣчалъ въ тотъ же день письмомъ:

15 сентября 1882 года.

„Дорогая г-жа Новикова. Искренно благодарю васъ за поздравленіе съ успѣхомъ въ Египтѣ. Вся Англія ликуетъ. При воспоминаніи о вашей тяжелой войнѣ 1878 г. нѣкоторые русскіе смотрѣли на насъ съ завистью. Мы должны, конечно, радоваться потому, что мы довольны нашей арміей, нашимъ флотомъ, нашими адмиралами и генералами и нашей организаціей. Солдаты были не тѣ въ Крымскую кампанію, мы много истратили съ тѣхъ поръ, чтобы улучшить армію и, какъ видно, теперь не безплодно. Едва больше семи недѣль, какъ мы рѣшили послать 35.000 человекъ на разстояніе, скажемъ, 3.000 миль, и съ Божьею помощью результатъ быстрый. Еще разъ олагодарю васъ за добрыя слова. Взамѣнъ позвольте мнѣ выразить сердечное соболѣзнованіе по случаю смерти вашего героя Скобелева. При тяжелыхъ трудахъ моей службы, я съ искреннимъ

и горячимъ интересомъ слѣдилъ за прискорбными извѣстіями о немъ. Смерть героя, предметъ сочувствія для всего человѣчества: онъ былъ герой. Упокой его Господь и дай Богъ вашей странѣ побольше такихъ, какъ онъ“.

Вамъ преданный

Гладстонъ.

Россія вывела войска изъ Болгаріи менѣе чѣмъ черезъ три условленныхъ года, послѣ подписанія мирнаго договора. Теперь болѣе тридцати лѣтъ, какъ бомбардирована была Александрія и до сихъ поръ англичане прочно сидятъ въ Египтѣ...

Въ концѣ года Ольга Алексѣевна послала Гладстону книгу Пальмира о восточной церкви и статью о трудѣ Миклухи Миклая въ Новой Гвинееѣ.

Онъ отвѣчалъ 5-го декабря:

„Дорогая г-жа Новикова. Возвращаю вамъ статью, она чрезвычайно интересна, а авторъ ея должно быть еще больше.“

„Посылаю вамъ книжку, въ которой если вы прочтете епископа Патерсена (одного изъ благороднѣйшихъ представителей англійской расы въ девятнадцатомъ вѣкѣ). Вы найдете матеріалы относительно туземныхъ жителей и труда неправильно, названнаго свободнымъ. У Миклухи мы не находимъ христіанскаго элемента, который одушевлялъ Патерсена на геройскіе подвиги; но между ними все же есть духовное сродство“.

Вашъ искренно

Гладстонъ.

Вскорѣ послѣ этого письма, г-жа Новикова упомянула Гладстону о предложеніи султана русскому Государю занять Константинополь и сослалась на сэра Генри Вольфа, для подтвержденія этого факта.

7-го декабря Гладстонъ писалъ:

„Дорогая г-жа Новикова. Разкажите подробно о султанѣ, мы съ Вольфомъ не встрѣчались и не могли подѣлиться тайными сообщеніями объ этомъ интересномъ случаѣ“.

Вашъ искренно

Гладстонъ.

Г-жа Новикова отвѣчала декабря 8-го:

„Вы меня удивили, дорогой г-нъ Гладстонъ. Не могу понять, почему наши дипломаты такъ осторожны и молчаливы о фактѣ, который, по моему скромному сужденію, нисколько не

бросаетъ тѣни на наше правительство. Это нехорошо съ ихъ стороны. Вотъ что я знаю: когда стало извѣстно въ Константинополь о бомбардированіи Александріи, султанъ испугался за возможные послѣдствія войны и за собственную участь. Ему пришла блестящая идея, что его единственный вѣрный другъ Россія, которой можно довѣриться, и мнѣ говорятъ, что были сдѣланы предложенія занять Константинополь русскими войсками. Русское Правительство, главнымъ образомъ, нашъ Государь имѣютъ большое уваженіе къ вамъ и довѣріе ко всѣмъ вашимъ словамъ и дѣламъ по службѣ и внѣ ея; Россія отклонила предложеніе Турціи. Я не ручаюсь, что она поступила бы также, не будь вы главнымъ представителемъ Англіи.

Сэръ Генри Вольфъ говорилъ мнѣ, что все это было ему извѣстно отъ его константинопольскихъ агентовъ“.

Иногда Фрудъ заговаривалъ о ближне-восточномъ вопросѣ съ г-жей Новиковой. 10 марта 1882 г. онъ писалъ:

„Мнѣ жаль, что вы такъ воинственны, это дурной признакъ. Я не вполне понимаю грѣховъ Австріи, я ее ненавижу, и мнѣніе мое о ней самое дурное. Но мнѣ будетъ жаль видѣть, какъ вы бросаете перчатку Австріи, Германіи и Турціи. Вамъ придется воевать со всѣми тремя, въ то время какъ Гамбетта удаленъ, а Франція не двинется и у васъ не будетъ ни одного союзника. Я понимаю ваше безпокойство. Не могутъ эти княжества оставаться въ томъ положеніи, въ какое ихъ поставилъ Берлинскій трактатъ. Но чѣмъ дальше вмѣшается Австрія въ это дѣло, тѣмъ больше она будетъ ненавидима и тѣмъ слабѣе она станетъ. Будь я русскимъ, я заботился бы о внутреннемъ порядкѣ и избѣгалъ бы войны. Не откажите давать мнѣ, по временамъ, извѣстія“.

Когда вышла въ свѣтъ книга г-жи Новиковой „Жизнь Скобелева“, Фрудъ писалъ ей 2-го іюня 1883 г.:

„Я прочиталъ, конечно, Скобелева и люблю искусство, съ которымъ вы его изобразили. Вы больше бы удовлетворили англичанъ, если бы говорили только о Скобелевѣ, они цѣнятъ героя и готовились особенно цѣнить его, но джингоизмъ въ ихъ душѣ, и потому они воображаютъ, что славянское дѣло это вражда противъ нихъ въ Индіи. Они дураки, но на свѣтѣ дураковъ большинство. Вы лишились Скобелева, но страна, которая могла имѣть Скобелева, навѣрное будетъ имѣть еще многихъ героевъ, которымъ только и нуженъ случай, чтобы заслужить его славу.“

Гладстонъ произнесъ рѣчь о египетской политикѣ, и по обыкновенію торіи ее неправильно истолковали, г-жа Новикова, съ безпокойствомъ, проситъ у него объясненія. Вотъ оно:

Доунингъ-Стритъ Уайтхоль.

8 августа 1883 г.

„Дорогая г-жа Новикова, консерваторы могутъ быть небезопасными толкователями рѣчей министровъ. Главная черта моей деклараціи была та, что намъ не приходится ничего отмѣнять или сокращать изъ прежнихъ увѣреній. Восемь, девять мѣсяцевъ назадъ у насъ было въ Египтѣ 35.000 человѣкъ, теперь у насъ 6.000. Не знаю, извѣстна ли вамъ моя статья въ „Nineteenth Century“, написанная 5—6 лѣтъ тому назадъ. Миѣ было бы трудно отказаться отъ этихъ словъ или ихъ забыть. Это миѣ напоминаетъ цитату лэди Голландъ изъ итальянскаго автора: „iemangiare si, quist'e facile ma il digerire il diguisi queste il principale“¹⁾.

Скрытый джингоизмъ, все еще лелѣемый частью страны, хочеть несомнѣнно сохраненія за нами Египта, но все это оцѣнится скоро. Желая вамъ счастливаго пути, остаюсь вамъ преданный“

Гладстонъ.

Въ 1884 году г-жа Новикова неожиданно коснулась египетской политики. Отношенія Россіи въ вопросѣ о Египтѣ были всегда сдержаны. Съ тѣхъ поръ какъ Николай I сказалъ серу Хамилтонъ Сеймуру, что онъ готовъ признать вліяніе Англій надъ Египтомъ взамѣнъ признанія такого же вліянія Россіи на Балканахъ, Россія менѣе всѣхъ вмѣшивалась въ этотъ вопросъ,

Слѣдуя этому примѣру, г-жа Новикова ни слова не сказала о Египтѣ въ своей книгѣ „Россія и Англія“. Но въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, искушеніе стало слишкомъ велико. Параллель между освобожденіемъ Болгаріи Россіей и завоеваніемъ Египта Англіей была такъ же очевидна, какъ противоположенъ былъ стимулъ этихъ двухъ предпріятій. Въ небольшой серіи статей въ „Паль-Маль Газетъ“, въ началѣ 1885 г. подъ заглавіемъ „Руссификація Англій“ г-жа Новикова очень ярко изобразила разнорѣчивость британской теоріи съ британской практикой въ дѣлѣ вмѣшательства въ египетскія дѣла;

¹⁾ Вѣдь ѣсть-то легко, да какъ это переварить,—вотъ главное.

начатое низложеніемъ Измаила, оно окончилось присвоеніемъ сѣверо-завосточной части Африки англичанами.

Если бъ не Гладстонъ распорядился экспедиціями въ Египетъ, г-жа Новикова вѣроятно еще свободнѣе выражала бы свою критику.

Поддерживалась фикція, что англичане не имѣютъ намѣренія оставаться въ Египтѣ. Они только пошли туда, чтобъ возстановить порядокъ, и твердо рѣшились уйти, когда порядокъ будетъ возстановленъ. „Египетъ для египтянъ“ былъ ихъ лозунгъ, и считалось измѣной намекнуть, что занятіе—не временное. Волненія въ Суданѣ, окончившіяся разореніемъ Хартума, смерть генерала Гордона и частичное опустошеніе всего Египетскаго Судана сдѣлали Египетъ злобой дня отъ 1882—1885 г.

Въ 1884 г. на одномъ обѣдѣ нѣкто г-нъ Смартъ сказалъ г-жѣ Новиковой: „вы всегдашняя защитница обиженныхъ и угнетенныхъ. Отчего Вы ничего не скажете въ пользу Измаилъ-Паши, котораго такъ высоко цѣнилъ генералъ Гордонъ; ни одинъ человѣкъ не былъ жертвой такой жестокой несправедливости.“

При этихъ словахъ г-нъ Смартъ представилъ Ольгѣ Алексѣевнѣ знаменитаго эксъ-хедива. Измаилъ просилъ позволенія ее посѣтить, и вскорѣ онъ сидѣлъ въ ея гостиной и изливалъ ей свои горести. Результатомъ этого была серія статей въ „Pale Mall gazette“, указывающихъ на всѣ преимущества отъ его возстановленія

Г-жѣ Новиковой не трудно было стать защитницей друга Гордона — Измаила-паши; имя Гордона, въ то время, имѣло волшебное значеніе не только въ ея глазахъ, но и въ глазахъ всей Англіи, а тотъ передъ отъѣздомъ своимъ въ Хартумъ сильно настаивалъ на возвращеніи развѣнчаннаго хедива.

„Лучшее, что можно бы сдѣлать,—говоритъ онъ, это возвратить стараго хедива. Я бы всячески попытался помочь этой старой птицѣ. Я бы непременно возвратилъ Измаила, непременно. Онъ милліонъ разъ лучше сына своего Тефика. Народу гораздо хуже теперь, чѣмъ при немъ. Онъ одинъ изъ самыхъ способныхъ людей своего вѣка, а вовсе не дьяволъ, какимъ нѣкоторые его воображаютъ въ Англіи“, заключилъ онъ.

„Почему не послѣдовать совѣту генерала Гордона въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ,—говоритъ Стедъ. Въ Суданѣ Измаилъ далъ полную свободу Гордону, чѣмъ оказалъ болѣе

довѣрія нашему христіанскому герою и болѣе здраваго смысла, чѣмъ англійское правительство“.

Г-жа Новикова начала такъ свою первую статью 18-го мая 1884 г.:

„Чѣмъ начались тревоги Англій въ Египтѣ? Тѣмъ, что правительство лорда Биконсфильда низложило Измаила-пашу. Говорятъ о томъ и о другомъ управленіи, но пока Измаиль царствовалъ въ Каирѣ, было по крайней мѣрѣ спокойствіе и порядокъ въ странѣ.

„Если вы дѣйствительно желаете, чтобъ Египетъ былъ для египтянъ, возвратите этого хитраго правителя. Всякое другое рѣшеніе есть прикрытое лицемѣріе.

„Какъ! опять рекомендуется фараонъ! воскликнулъ съ негодованіемъ одинъ изъ моихъ друзей; а почему нѣтъ? я бы желала знать, фараоны гораздо болѣе подходящи на Нилѣ, нежели британскій резидентъ, играющій роль суфлера невѣжественному принцу“. Но Измаиль тираннъ; я не буду спорить о его достоинствахъ. Паши рѣдко бываютъ ангелами, и я думаю, что революціи не подавляются убаюкиваніемъ. Но есть ли тираннія болѣе угнетающая и нестерпимая, какъ анархія“. И такъ далѣе, и т. д.

Г-жа Новикова говоритъ: „защитите Египетъ отъ иностраннаго нашествія ручательствомъ всей Европы, какъ была гарантирована свобода самостоятельность Бельгіи въ 1830 г. Быть можетъ это рѣшеніе плохо, но хорошаго нѣтъ, а это кажется логичнѣе и во всякомъ случаѣ лучшее изъ плохихъ, которыя предлагались до сихъ поръ“. Когда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ спросили Ольгу Алексѣевну, почему она такъ горячо отстаивала Измаиль-пашу, она отвѣчала:

„Я говорила о немъ, какъ о человѣкѣ съ твердой волей и полнымъ знаніемъ страны; будучи умнымъ магометаниномъ, онъ могъ возобновить свое нравственное вліяніе надъ египтянами. Его возвращеніе уничтожило бы теперешнее преимущество Магди для религіознаго обмана египтянъ. Царство акціонеровъ не мой идеалъ“.

20-го сентября 1885 г. Гластонъ писалъ:

„Дорогая госпожа Новикова, я смотрю на людей, подкапывающихся или разрушающихъ старинную христіанскую вѣру, какъ на злѣйшихъ враговъ. Вы такъ добры, что спрашиваете о моемъ голосѣ. За эти два мѣсяца много мнѣ было дано медицинскихъ совѣтовъ и лѣкарствъ; перемѣна воздуха и отдыхъ. Въ результатъ я имѣю надежду быть въ состояніи исполнять

минимумъ работы въ особенности потому, что я долженъ быть очень остороженъ до выборовъ, которые будутъ въ ноябрѣ.

„Посылаю вамъ копію адреса, по случаю котораго я съ грустью покидаю надежду немедленной отставки. Она не можетъ быть отложена на долго. Посылаю также два переложенія гимновъ, въ оригиналѣ они замѣчательны. Вѣрьте моей преданности“

Гладстонъ.

18-го сентября 1885 г. былъ нанесенъ первый ударъ работѣ Биконсфильда на Берлинскомъ конгрессѣ. Въ этотъ день возсталъ народъ въ Восточной Румелии (часть Болгаріи на югъ отъ Балканъ). Генераль-губернаторъ былъ арестованъ и объявлено присоединеніе части Румелии къ Болгарскому княжеству. 22-го сентября князь Александръ торжественно въѣхалъ въ Филипполи и увѣдомилъ подписавшія державы о совершившемся фактѣ. Императоръ Александръ III, страстный поборникъ мира, не былъ доволенъ этимъ.

Премьеръ Англіи, лордъ Солисбери, первый заявилъ себя противникомъ вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла Восточной Румелии. Султанъ перенесъ потерю спокойно. Три раза собирався совѣтъ посланниковъ великихъ державъ въ Константинополь, но т. к. Турція не объявила войны, присоединеніе Румелии совершилось благополучно. Сербія нашла несправедливымъ увеличеніе Болгаріи, и король Миланъ объявилъ 14-го ноября войну Болгаріи. Болгары побили сербовъ, и тѣмъ споръ оконченъ.

Ольга Алексѣевна написала статью въ „Палъ-Малъ-Гезета, озаглавленную „Истинная правда о Балканскихъ княжествахъ“ и послала ее Гладстону, возвратившемуся въ Харденъ, послѣ одержанной второй побѣды въ Мидлотіанѣ. 5-го декабря онъ отвѣчалъ:

„Дорогая Г-жа Новикова, боюсь, что мнѣ не слѣдуетъ касаться предмета вашей статьи: мой лозунгъ миръ и свобода. Уже не первый разъ въ этомъ году я чувствую, что молчаніе въ отношеніи васъ лучше моей защиты. Вѣрьте моей искренней преданности“.

Гладстонъ.

Фрудъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ въ сентябрѣ 1886 г.

„Я прихожу къ заключенію, что Вы будете въ Константинополь до конца года; я всегда ожидалъ этого, со времени Крымской войны и потому не удивлюсь. Сообщите, какъ Вы

поживаете и что предпринимаете? Не завидую Вамъ, если Вы думаете что-нибудь сдѣлать съ англійской печатью. Вы найдете задачу труднѣе, чѣмъ Вы думали до сихъ поръ. Вы, можетъ быть, имѣете другія намѣренія: поглядѣть и позабавиться. Это будетъ лучше. А еще лучше, если Вы, быть можетъ, возвратились къ старой миссіи, къ вопросамъ Церкви? и напишете книгу о Двойственномъ Происхожденіи. Все же не оставьте меня безъ извѣстій“.

Вашъ преданный *Фрудъ*.

Въ слѣдующемъ своемъ письмѣ, отъ 1-го октября 1886 г. *Фрудъ* говоритъ:

„Ваша статья о Болгарскомъ кризисѣ очень хороша; все, что въ ней говорится, я думалъ давно, что это такъ, и говорится прекрасно. О томъ, какое дѣйствіе оно произведетъ, я предсказать не могу. Дѣло въ рукахъ лорда Солисбери. Если онъ можетъ создать Большой Европейскій союзъ противъ Россіи, онъ это сдѣлаетъ. Онъ разсудитъ, какъ многіе англійскіе государственные люди, что въ душѣ своей англійскій народъ радуется войнѣ, неимовѣрно тщеславенъ въ военной славѣ и что успѣшная война лучше всего утвердитъ популярность правительства и отвлечетъ вниманіе толпы отъ внутренней политики. Онъ не будетъ такъ безуменъ, чтобы идти на это одинъ, но интрига многое можетъ сдѣлать, а политики всегда самые слѣпые и глухие люди. Что меня касается,—мнѣ это опротивѣло. Я расположенъ ничего не читать, ничего не дѣлать, а въ виду моихъ лѣтъ готовиться къ иному, лучшему міру“.

Гладстонъ написалъ ей слѣдующее:

Харденъ, 16-е ноября 1886 г.

„Дорогая г-жа Новикова, я всегда радуюсь, когда Вы, съ замѣчательнымъ Вашимъ талантомъ и искусствомъ представляете болгарское дѣло полностью, моимъ соотечественникамъ. Въ этомъ очень нуждаются англичане. Я не буду защищать или нападать на лорда Солисбери въ то время, какъ Вы отдѣльваете его дѣсыта. Намѣренно я никогда ни на кого не нападаю, что же касается до Стеда, очевидно, Вы одинъ умѣете обращаться съ нимъ, а вотъ что Вы недостаточно на меня нападаете, нападки на меня были бы полезны для успѣха дѣла. Но газета его умно написана.“

„Ваша милая веселость среди спора всегда производитъ хорошее и назидательное впечатлѣніе.“

„Я радъ, что мои мысли и время въ небольшой степени заняты литературой. До свиданья: я не долженъ забыть благодарить Васъ за доброе отношеніе къ моей дочери. Она, слава Богу, поправляется“.

Вашъ искренно

Гладстонъ.

Дѣла въ Болгаріи принимали нѣсколько затруднительный ходъ.

Г-жа Новикова написала объ этомъ Гладстону.

Онъ отвѣчалъ 4-го января 1887 г.:

„Дорогая г-жа Новикова, я боюсь, что не въ состояніи вполнѣ прослѣдить за подробностями меморандума болгарскихъ выходцевъ, но надѣюсь, что дѣло ихъ будетъ обсуждено и справедливость будетъ соблюдена. Я не понимаю, что происходитъ? Истинная слава и честь Россіи за освобожденіе Болгаріи. Я бы желалъ видѣть ее покровительницей данной ею свободы. Все это меня приводитъ въ недоумѣніе. Я не понимаю этого и совершенно выше моихъ силъ оказать желаемое Вами теперь вмѣшательство. Я могу легко очень раздражаться“.

Вашъ искренно

Гладстонъ.

Два дня спустя Гладстонъ писалъ ей изъ Синглтона, куда онъ ѣздилъ по вопросу Home rule.

6 января 1887 г.

„Дорогая г-жа Новикова, я получилъ Ваше письмо во время политической поѣздки въ Южный Валлисъ. Видѣлъ я тамъ 60.000 народу, въ субботу, изъ которыхъ 40.000 не только отказались отъ своего однодневнаго заработка, но заплатили за желѣзнодорожные билеты. Сегодня я видѣлъ число нѣсколько меньшее. Всѣ они, изъ нихъ 98% горячихъ протестантовъ, выразили свое желаніе обезпечить, главнымъ образомъ, справедливое отношеніе къ католической Ирландіи.

„Не дурна страна, гдѣ могутъ происходить такія вещи“.

„Я не слѣдилъ за „Паль-Маль-Газетъ“, потому что очень былъ занятъ другимъ. Я считаю Васъ отвѣтственной за Стеду, потому что Вы однѣ имѣете вліяніе на него“.

„Я наслаждаюсь Вашей откровенностью, я какъ англичанинъ и очень былъ бы огорченъ и раздосадованъ, если бы Стедъ какъ-нибудь въ ней Вамъ препятствовалъ, какъ редакторъ родины. Что касается афганцевъ, съ ними также можно ужиться, съ цивилизованными людьми они, конечно, больше пострадали отъ насъ, чѣмъ причинили намъ зла. Да благословить Богъ обѣ наши страны!“

Вашъ искренно

Гладстонъ.

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

